

ОЧИЩЕНИЕ ЯЗЫКА КАК УСЛОВИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

О. А. Донских

Новосибирский государственный университет
экономики и управления, Новосибирск, Россия;
Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия
oleg.donskikh@gmail.com

В настоящее время проводятся очередные преобразования нашей образовательной системы в контексте выхода из Болонского процесса. Целью этих преобразований провозглашается создание национальной системы образования на основе накопленного опыта и возврата к лучшим отечественным традициям. В то же время предлагаемые меры, касающиеся фактически лишь соотношения трех уровней высшего образования и не затрагивающие целый ряд болевых точек существующей системы, можно назвать «реформой» очень приблизительно. Это приводит нас к более широкой проблеме: многие ключевые слова, определяющие дискурс, в рамках которого обсуждается наше образование, являются неточными и двусмысленными. И это не только не позволяет достичь какого-то согласия, но в отдельных случаях оказывается просто вредным. В статье проводится анализ ряд важных слов и связанных с ними понятий в историческом контексте и в контексте идущих в настоящее время изменений в системе образования. Анализируются такие слова, как «реформа», «компетенция», «гуманитарная составляющая» и ряд других. При анализе учитывается опыт зарубежных стран. Показано, что неточное употребление данных слов ставит участников образовательного процесса в ситуацию, когда содержательный диалог практически невозможен. Предлагается произвести работу по очищению языка образовательного дискурса. Это можно сделать за счет точных определений используемых слов-терминов и аргументации, направленной на уточнение любых провозглашаемых целей и задач.

Ключевые слова: реформа, компетенция, образовательная услуга, фундаментальность, гуманитарная составляющая, аспирантура

LANGUAGE PURIFICATION AS A CONDITION OF TRANSFORMATION OF THE DOMESTIC EDUCATION SYSTEM

Oleg A. Donskikh

Novosibirsk State University of Economics
and Management, Novosibirsk, Russia;

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia
oleg.donskikh@gmail.com

Today, in the context of withdrawal from the Bologna process, further transformations of our educational system are being carried out. The purpose of these transformations is proclaimed to be the creation of a national education system based on the accumulated experience and return to the best domestic traditions. At the same time, the proposed measures, which actually concern only the ratio of the three levels of higher education and do not address a number of sore points of the existing system, can be called “reforms” very roughly. This leads us to a broader problem - a number of key words that define the discourse within which our education is discussed are imprecise and ambiguous. And this not only prevents any agreement, but in some cases also proves to be simply harmful. A number of important words and concepts related to them are analysed in the historical context and in the context of the ongoing changes in the education system. The materials are words and concepts behind them, the criterion of selection of which is the reflection of important features of the current education system. The words are reform, competence, humanitarian component and a number of others. A comparative analysis of these words is carried out, taking into account the experience of foreign countries. It is shown that the imprecise use of the given words does not allow setting the necessary tasks clearly and, in general, introduces serious confusion in the discourse related to education. Moreover, since the selected words turn out to be profoundly interrelated in this discourse, their uncertainty increases, and, ultimately, the participants of the educational process find themselves in a situation where meaningful dialog is practically impossible. As a result of the word-by-word analysis, it is easy to demonstrate that, without clarifying the meanings of the named words and the concepts they denote, meaningful discussion of educational problems does not yield the desired consequences. It is suggested to work on purifying the language of educational discourse. This can be done through precise definitions of the used words-terms and argumentation aimed at clarifying any proclaimed goals and objectives. Only then can we achieve at least a relative common understanding and appropriate effectiveness in working together to improve our education.

Keywords: reform, competence, educational service, fundamental, humanitarian component, graduate school

DOI 10.23951/2312-7899-2024-2-145-166

Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться... Поэтому благородный муж, давая имена, должен произносить их правильно, а то, что произносит, правильно осуществлять.

Конфуций

В настоящее время происходит очередной этап реформирования образовательной системы. Мы говорим об уходе от Болонской системы и о создании национальной. При этом, несмотря на официальное вхождение в сентябре 2003 года в Болонский процесс, появление в Российской Федерации бакалавриата и магистратуры и т. д., в 2022 году оказалось, что мы там и не были. Остается вопрос: входили или нет? Министр образования и науки РФ объяснил, что, «строго говоря, мы в туда и не входили», потому что Болонский процесс не был закреплен как таковой юридически, т.е. Россия не брала на себя строго определенных обязательств. Сама Болонская система – это набор идей, отдельные из которых вошли в наше законодательство. Оно в течение 20 лет их в разной степени имплементировало. «В результате современный образ нашего высшего образования сформировался во многом под воздействием Болонской декларации»¹. Вообще говоря, понятно, что изменения в системе образования – процесс длительный и сложный, поэтому для того, чтобы полностью реализовать те принципы, которые заложены в Болонской декларации, требуется значительное время. Очевидно, что в течение 20 лет мы реформировали национальную систему образования, ориентируясь на европейские образцы. Это касалось как школьного образования, так и высшего. Результат всех этих преобразований оказался вполне отрицательным, иначе не нужно было бы проводить новую реформу, но уже на новом основании, опираясь на собственный опыт. Об этом, собственно, и сказал министр В. Н. Фальков, выступая в Государственной Думе 27 июня 2022 года, когда предложил перестать слепо копировать чужой опыт². В течение года была подготовлена новая система образования, опирающаяся на то лучшее, что было накоплено в отечественной традиции. С 1 сентября 2025 года произойдет переход

¹ Будут и бакалавриат, и магистратура». Министр Валерий Фальков раскрыл подробности отказа от Болонской системы // Коммерсантъ. 2022. 2 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5381815> (дата обращения: 12.09.2023).

² См.: Глава Минобрнауки России предложил выйти из парадигмы слепого копирования чужого опыта // Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/53282> (дата обращения: 12.09.2023).

на новую систему, а сейчас в шести ведущих университетах страны в течение двух лет реализуется пилотный проект по отработке новых стандартов и программ.

В связи с охарактеризованной выше ситуацией представляется важным обсудить предмет с лингвистической точки зрения, включая такие слова, как «реформа», «новое», «отечественный опыт», «эксперимент» и некоторые другие, которые используются в разных контекстах с несовпадающими смыслами, отчего возникает туманная атмосфера недомолвок и неточностей. Цель написания настоящей статьи – анализ ряда понятий в контексте трансформации системы образования. Хотя бы для того, чтобы в 2025 году можно было четко сказать, перешли ли мы к новой отечественной системе образования или нет.

Материалом для анализа выступают такие слова и стоящие за ними понятия, как «реформа», «компетенция» и «компетентностный подход», «услуга», «фундаментальность», «гуманитарная составляющая», «аспирантура», критерием отбора которых является отражение важных черт нынешней системы образования.

Начнем со слова *реформа*. Что же все-таки понимается под этим словом? Понятно, что реформы могут быть разного уровня. Если мы говорим об образовательной реформе, то она должна включать в себя любые планируемые изменения в системе образования – от методик преподавания до административных процессов. Поскольку речь идет о планировании, то любая реформа подразумевает простую схему: 1) констатация существующего положения; 2) декларация четких и понятных целей; 3) предлагаемые (и проверяемые) меры по реализации заявленных целей; 4) точные сроки этой реализации; 5) оценка результатов. У нас же просто объявляются будущие результаты – как без представления материалов серьезного анализа нынешнего положения дел, так и без глубоко обоснованной оценки того, как это впишется в существующую образовательную систему. А что мы имеем на настоящий момент? Фактически речь идет о том, что в новой системе устанавливается несколько уровней обучения – базовое и специализированное (магистратура). Аспирантура, как и прежде, утверждается как уровень профессионального образования. Делаются вариативными сроки получения базового высшего образования – от 4 до 6 лет, магистратуры – от 1 до 3 лет, и это будет определяться направлением и профилем подготовки, а также получаемой специальностью. «Вузы до 30 июня 2023 года разработают и утвердят стандарты и требования по данным уровням образования, а также соответствующие обра-

зовательные программы»³. Данная программа явно не соответствует приведенному выше определению реформы. Здесь речь идет только о сроках обучения, но при этом говорится, что «формируется прообраз новой национальной системы высшего образования». Да, переход к новым, более гибким срокам обучения представляется разумным, но это лишь форма, тогда как необходимо подразумевать и содержание. Но далее следует, что уже до 30 июня вузы должны разработать и утвердить новые стандарты, хотя о каком-то новом содержании за полтора месяца говорить не приходится. То есть стандарты опять относятся лишь к форме.

Далее, если мы говорим об оригинальной национальной системе образования, хотелось бы понять, какое место занимает отечественная система среди других. В рейтинге стран мира по индексу уровня образования, составленном ООН, Россия на 2022 год занимает 29-е место, находясь между Японией и Испанией⁴, а по уровню расходов на образование (на 2018 год) – 84-е место, расположившись между Фиджи и Филиппинами⁵. В рейтинге PISA (Programme for International Student Assessment) по разным показателям Россия занимает 20–30-е места⁶. В рейтинге эффективности национальных систем образования – 34-е место⁷. По качеству начального образования (Quality of Primary Education) Россия оказалась на 50-м месте, ниже Индии, хотя и выше Сейшельских островов⁸. В качестве положительной статистики можно отметить, что отдельно по расходам на высшее образование Россия находится на вполне приличном уровне, сопоставимым с Италией, Испанией, Германией, Францией, Японией (0,9–1,2% ВВП), хотя стоит ниже США, Великобрита-

³ Президент России подписал указ о запуске пилотного проекта по изменению уровней профессионального образования // Министерство науки и высшего образования РФ. 2023. 12 мая. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/67889/> (дата обращения: 12.09.2023).

⁴ Education Index // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/education-index> (дата обращения: 12.09.2023).

⁵ Global Education Expenditure // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-education-expenditure> (дата обращения: 12.09.2023).

⁶ Programme for International Student Assessment. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Programme_for_International_Student_Assessment (accessed: 12.09.2023).

⁷ Global Index of Cognitive Skills and Educational Attainment // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-index-of-cognitive-skills-and-educational-attainment> (дата обращения: 12.09.2023).

⁸ Рейтинг стран по качеству начального образования // Nonews. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/quality-primary-education> (дата обращения: 12.09.2023).

нии, Канады, Швеции, Республики Корея (1,4–2,5% ВВП)⁹. В целом для страны, претендующей на лидирующие позиции в мировом сообществе, результаты весьма скромные. И, конечно, разрабатываемая реформу национальной системы, необходимо учитывать опыт различных стран как в негативном, так и в позитивном ключе. И подобный анализ, по идее, должен быть как-то представлен, поскольку необходимо ясное понимание того, что оказалось позитивным и что негативным при вхождении в Болонский процесс (в который мы не входили, но в соответствии с которыми последние 20 лет развивалась наша система образования) и что мы хотим оставить (или вернуть), говоря о том лучшем, что накоплено нашей системой образования.

Наряду с этим вопросом необходимо, если мы действительно говорим о «реформе», ответить еще на целый ряд вопросов. Так, система образования составляет единое целое, включая начальное и среднее образование. При этом просто говорится о том, что сохраняется ЕГЭ. Хотелось бы понять, как нынешняя реформа повлияет на эту ситуацию. По крайней мере должен быть анализ того, почему необходимо сохранить ЕГЭ. Хотелось бы получить аргументированное обоснование этой позиции. Ведь совершенно не случайно этот экзамен подвергается такой критике. ЕГЭ занял совершенно немислимое место в общественном пространстве, поскольку стал критерием оценки не только учащегося, но и учителя, и школы, и региона. И здесь мы сталкиваемся с еще одной проблемой – смещением акцента с собственно обучения на формы контроля. Сохранится ли управление системой образования в том виде, в каком оно существует сейчас? А это напрямую затрагивает вопрос о положении учителя в школе и преподавателя в вузе. Изменит ли реформа эту ситуацию к лучшему или нет? Ведь уже дошло до того, что предлагается направлять в среднюю школу (для учеников с 5-го по 9-й класс) учителей без высшего образования¹⁰! Говорить о престиже учителя в этой ситуации, когда больше трети занятого в экономике населения имеют вузовские дипломы, не приходится¹¹. Понятно, что эта мера об-

⁹ Государства в образовании становится все больше // Коммерсантъ. 2022. 21 янв. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5192784> (дата обращения: 12.09.2023).

¹⁰ Учителей разрешат недоучивать. В Министерстве просвещения предположили, что предметникам хватит среднего профобразования // Коммерсантъ. 2023. 20 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6054698> (дата обращения: 12.09.2023).

¹¹ По рейтингу Educational attainment of 25-64 year-olds (2021) Россия входит в пятерку стран с самым высоким процентом людей, имеющих высшее и среднее специальное образование. См.: Population with tertiary education // OECD data. URL: <https://data.oecd.org/eduatt/population-with-tertiary-education.htm#indicator-chart> (accessed: 15.09.2023).

суждается в связи с дефицитом учителей, но необходим глубокий анализ того, что этот дефицит вызвало и вызывает. Вообще об униженном положении обучающихся в системе образования необходим отдельный разговор, и серьезная реформа должна бы эту проблему также затронуть.

Без ответа остаются и другие вопросы, которые затрагивают болевые точки нашей системы образования. В частности, как можно говорить о будущем технологическом первенстве в стране с весьма низким уровнем начального образования? Получается, что дети из весьма посредственной начальной школы с 5-го по 9-й класс попадают к учителям без высшего образования. А это как раз те годы, когда закладываются общие основы умения учиться. И как соотносятся гуманитарная и естественнонаучная составляющие образования? А это соотношение напрямую связано с проблемой того, какую основную цель ставит система образования, и, соответственно, с проблемой фундаментальности. Либо мы говорим о формировании разносторонней личности, либо о формировании узкого специалиста, востребованного на рынке труда. И если мы ставим первую цель (разумеется, профессионализм будет востребован в любом случае), то отношение к гуманитарным дисциплинам должно быть существенно иным.

Очевидно, что те преобразования, которые названы «реформой», направленной на создание национальной системы образования, таковой не являются. В лучшем случае речь идет о некотором «совершенствовании» существующей системы, не затрагивающей ее коренных основ. При этом нет никаких сомнений, что действительная реформа крайне необходима, если думать о будущем страны.

Компетентностный подход и компетенции. Как отмечалось выше, к июню 2023 года должны были быть разработаны стандарты, которые регулируют содержание нашей образовательной системы. Возьмем стандарты высшей школы, которые менялись за последнее десятилетие трижды (что само по себе совершенно ненормально), при этом хотелось бы обратить внимание на тот аспект стандартов, который связан с пресловутым переходом от так называемого «знаниевого» подхода к «компетентностному».

В свое время целью перехода было развивающее обучение, ориентация на творчество и, соответственно, свободное развитие человека, обладающего высокими профессиональными качествами в ключе гуманистической педагогики. Ключевым словом, вокруг которого выстроены в соответствии с новой идеологией стандарты и которое, как заклинание, повторяется в тысячах статей и диссер-

таций по педагогике, стало слово «компетенция». Замена «знаниевого» подхода «компетентностным» была представлена как переход от обучения тому, «что делать», к «как делать», как движение от пассивного восприятия информации к активному формированию личности (достаточно упомянуть работы В. А. Трайнева, В. И. Байденко, В. К. Загвоздкина, И. А. Зимней, А. Г. Каспржака, Н. Н. Абакумовой и др.). Вокруг слова «компетенция» поднят колоссальный информационный шум, все образовательные стандарты были перестроены с использованием этого слова, и оно приобрело чуть ли не сакральный характер. Тем не менее, как ни странно, серьезного позитивного продвижения данный подход не дал. С. В. Бобрышов и Л. А. Саенко справедливо говорят о том, что в высшей школе вполне сохраняется «ЗУНовская» модель обучения. При этом ни о какой индивидуально-личностной направленности говорить не приходится, поскольку у студентов не формируются навыки, носящие надпрофессиональный характер. А собственно к компетенциям преподаватели относятся очень скептически. «Но проблема ли это самих компетенций? Конечно, нет. Это проблема понимания их смысловых и сущностно-содержательных основ, а также организации работы по их претворению в жизнь» [Бобрышов, Саенко 2016, 17].

Обсуждение данной проблемы привело к пониманию, что отношения между названными подходами гораздо сложнее, что нужно точнее понять их взаимоотношение и т. д. Совершенно ошибочно противопоставлять фундаментальность, связанную с глубоким освоением определенных областей знания, профессиональной направленности обучения. «Фундаментальное знание как отражение основ фундаментальной науки всегда было и останется тем основанием, на котором всегда можно возвести любое новое здание прикладного знания» [Жукоцкая, Чёрненькая 2017, 68]. Обнаружилось, что слово «компетенция» потеряло тот смысл, который в него вкладывали пионеры гуманистической педагогики. В наши РП и ФОСы заложено химерическое представление о компетенциях. Нормальное, принятое в мировой педагогической практике, ориентируется на простую проверку формирования определенных навыков либо на понятный и проверяемый набор умений в определенной профессиональной деятельности. Скажем, ребенок знает алфавит или умеет читать с определенной скоростью либо студент, обучающийся бухгалтерии, приобрел компетенцию – работать с использованием определенной компьютерной программы. Пример качественного использования компетентностного подхода можно

найти, скажем, в программе подготовки специалистов в области общественного здоровья, разработанной Советом по образованию и общественному здоровью (Вашингтон). Берется такая компетенция – уметь использовать статистические компьютерные программы для анализа данных по здоровью. Способ проверки достижения данной компетенции – провести регрессивный анализ, используя SAS (Statistical Analysis System)¹². Пример хорошо отработанного компетентностного подхода дают в своей книге Д. Финн III и М. Финн. Выбираются понятные и проверяемые ключевые показатели по ряду предметов, касающиеся уровня освоения отдельных дисциплин («Данные по уровням»), например уметь «находить процент от величины как процент на 100 (например, 30% от величины означает 30/100 от величины); решать задачи на нахождение целого, заданного частью и процентом» [Finn, Finn 2020, 26]. «Данные по уровням» разбиваются и дополняются «Данными по конкретным стандартам», которые могут характеризовать успехи отдельных студентов. Все это позволяет преподавателю четко видеть картину успеваемости и контролировать процесс обучения, культивируя в то же время автономию студентов. Так, учителя ориентируются на организацию самостоятельной работы учащихся, которым предлагается известная автономия и самоорганизация [Finn, Finn 2020, 121]. Хороший пример компетентностного подхода, при котором получение знаний дополнено конкретным списком умений и организовано так, что есть возможность их поступенчатой проверки, можно увидеть в учебнике по информационной безопасности. Здесь во второй части книги по всем разделам учебника умения сразу формулируются и как показатели, например: «Виды деятельности / индикаторы:

- Определить и описать различные операционные системы для мобильных устройств, используемых в бизнес-операциях.
- Объяснить особенности каждой операционной системы.
- Обсудить, почему организация может использовать одно устройство вместо другого.
- Обеспечить правильное цитирование любых внешних материалов» [Alsmadi et al. 2018, 304].

Однако в нашем педагогическом дискурсе в значении слова «компетенция» смешались оценка уровня социализации, стандартизация профессиональной подготовки и вообще любое умение разного рода и качества. В результате выстраивается странное

¹² Competencies and Learning Objectives Council on Education for Public Health. URL: http://ceph.org/assets/Competencies_TA.pdf (accessed: 16.09.2023).

представление о том, что компетенции могут формироваться поэлементно. Безусловно, отдельные умения последовательно соединяются, дополняя друг друга. Но в других случаях, как, например, с языком, это не получается, потому что язык осваивается сразу как система, и он представляет собой не сумму отдельных элементов, а их организованную целостность. Слово – это не сумма букв, и предложение – это не сумма частей речи. Поэтому же нельзя «поэлементно» вырабатывать такие компетенции, как умение мыслить, исследовать, применять знания на практике. А именно такой подход заложен при составлении ФГОС, в которых предполагается, что отдельные компетенции формируются отдельными предметными дисциплинами» [Донских 2013, 39]. Невозможно и проверить, сформированность таким образом задаваемых компетенций. Как, скажем проверить, понимает ли человек «значение гуманистических ценностей для сохранения и развития современной цивилизации» и тому подобных? Примеры легко умножить. Таким образом, обнаруживается путаница значений слова «компетенция» (аспекты и уровни социализации либо элементы общей и профессиональной подготовки), что приводит к тому, что в настоящее время рабочие программы, составленные в соответствии с ФГОСами, превратились в самодостаточные документы, которые практически не могут быть использованы преподавателями в процессе обучения, а необходимы лишь для формальных процедур аккредитации вузов. Неопределенность и смешение разных значений характеризуют прокламируемый переход от «знаниевой» парадигмы к «компетентностной».

Услуга. Следующее слово, которое в нашем образовательном дискурсе приобрело совершенно одиозный смысл, – «услуга». Высочайший стандарт служения (образовательной услуги) учителя в свое время задал Кришнамурти в своей книге «Обучение как услуга», где он пишет, что учителя и учеников объединяет божественная жизнь, и поэтому он дает им силу и вдохновение. Т.е. учитель передает ученикам «все самое высокое, что есть в нем самом, и он может быть совершенно уверен, что не найдет ни одного мальчика, который не откликнулся бы в какой-то степени в своем собственном высшем “Я”, каким бы незначительным ни был этот отклик для учителя» [Krishnamurti 2017, 19]. Идея услуги как служения разделяется и другими учеными и преподавателями. Детальный анализ понятия дает Брюс Макфарлен, который говорит о том, что это понятие не является чем-то единым, а существует много различных традиций, относящихся к разным народам и разным историческим

периодам. Здесь и служение Богу, и государству, и гражданам, можно служить знанию и интеллектуальной истине. И современная система высшего образования так или иначе относится ко всем этим традициям. Она претендует на подготовку “хороших граждан”, но определение «хорошего гражданина» вовсе не очевидно. В самом общем виде «это человек, обладающий необходимыми навыками для работы в современной экономике, интеллектуальной независимостью и уверенностью в себе, а также характером, взглядами и ценностями, позволяющими вносить позитивный вклад в жизнь общества» [Macfarlane 2007, 27]. Ни одно из этих значений не позволяет говорить об услуге в чисто рыночном смысле. Об образовании как миссии публичного служения говорят и другие авторы [Archer, Schuetze 2019; Papadimitriou, Boboc 2021; Kirsti et al 2023]. Конечно, финансовая сторона дела не может игнорироваться. И необходим анализ того, как стремление к получению прибыли, необходимое для выполнения миссии высшего образования, может вступать и вступает в противоречие с самой миссией, и этот вопрос не имеет простых решений [Weisbrod, Ballou, Asch 2008].

У нас же этот идеал услуги – высшего служения был перенесен в контекст обучения из экономики, и, когда он попал в Закон об образовании, то сразу резко снизил статус как учителя, так и преподавателя университета. За этим словом, безусловно, стояла беспримесно рыночная идеология. Замечательный пример соответствующего понимания можно найти в статье И. Б. Романовой, для которой образовательная услуга – это ««трудовая деятельность экономической единицы, направленная на удовлетворение потребности некоторого субъекта в образовании (т.е. в приобретении систематизированных знаний, умений и навыков), осуществляемая с предварительного согласия данного субъекта» [Романова 2005, 28]. Здесь уже учитель превращен в «экономическую единицу». В этом дискурсе учащиеся и студенты превращаются в «потребителей образовательной услуги», а студенты, в дополнение, еще и в «товар, востребованный на рынке труда». Таким образом, вводится терминология рабского общества. Соответственно, цель вуза – «обеспечить оптимальное насыщение рынка труда работниками нужной квалификации...» [Браверман 1997, 539]. Критикуя подобный подход, О. В. Сагинова подытожила его в формуле: «Вуз – «производитель товара в виде молодых специалистов» [Сагинова 2003, 50]. Когда слово «услуга» попало в нормативные и правовые документы, оно вызвало массу гневных откликов, которые были проигнорированы. К слову «услуга» добавили слово «качественный», и, со-

ответственно, целью деятельности преподавателя стало «оказание качественных образовательных услуг». Это имело ряд следствий. Так, наряду со снижением статуса одним из важнейших была потеря воспитательной составляющей. В течение 20 лет это слово заполняло информационное пространство, пока, наконец, не стало очевидным, что оно несет вовсе не нейтрально-научный (как если бы оно использовалось в чисто научном экономическом дискурсе), а крайне вредный смысл, и что образование – это нечто большее. В конце 2021 года термин «услуга» убрали из официальных документов, и министр просвещения сказал, что учитель, педагог не оказывает услугу, что это призвание, миссия, но не услуга¹³. Но вполне можно предположить, что нынешний недостаток учителей вызван в том числе и введением в оборот этого слова. Использование слова «потребитель» также требует внимания, поскольку превращает студента в пассивного участника образовательного процесса. На вопиющее противоречие между декларируемой экономико-ориентированным компетентностным подходом «активной позицией» обучающегося и превращением того же обучающегося в «потребителя» (будь он квалифицированный или нет) внимание не обращается. Это лишний раз подчеркивает необходимость прояснения слов и связанных с ними понятий.

Подводя определенный итог периоду господства слов «компетенция» и «услуга», В.Н. Стегний справедливо пишет, что «миссия образования – это не услуга, а формирование личности. Если оно формирует личность, то формирует и специалиста. Эффективность деятельности специалиста на 70–80% зависит от того, подготовлен ли он как личность. Эта взаимосвязь в инновационном, знанцевом обществе усиливается» [Стегний 2018, 17]. Таким образом, переплетение значений данных слов не только внесло в понимание обучения в целом и в сообщество, причастное к обсуждению данных проблем, двусмысленность и нечеткость (которые до сих пор представлены в обсуждениях), но и оказало негативное социальное влияние. Мы возвращаемся к дореформенному пониманию слова «услуга» как служения, но слово «компетенция» пока остается непроясненным и практически бессмысленным. Неслучайно у преподавателей, кроме раздражения, оно ничего не вызывает.

Гуманитарная составляющая образования. Выше, говоря о целях реформы, мы уже коснулись вопроса о «гуманитарной составляющей образования». Теперь стоит поговорить о смысле самого это-

¹³ «Образование – это не услуга», – министр просвещения // Накануне.ru. 2021. 30 авг. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2021/08/30/22617733/> (дата обращения: 15.09.2023).

го выражения. Фундаментальность требует серьезного пересмотра программ обучения на основе правильного баланса гуманитарных, математических, естественнонаучных и технических знаний. Но, как мы видим, русский язык уже в не в приоритете для инженеров¹⁴, поэтому по крайней мере о гуманитарной их образованности можно забыть. Очень серьезной проблемой является тот факт, что школьники практически перестали читать классическую русскую литературу, перейдя на ознакомление с сокращенными до нескольких страничек пересказами классических произведений. Между тем великая русская литература не только воспитывает вкус к родному языку, но и формирует традиционные ценности. Исключительно важен и курс речевой культуры, умение писать сочинения, конспекты. К этому необходимо прибавить знание отечественной истории. И только тогда можно будет говорить о передаче культуры и, соответственно, ее ценностей от одного поколения к другому.

Однако назвать эти дисциплины (русский язык, литературу, историю) «гуманитарной составляющей» – не только очень узко, но и принципиально неправильно. Потому что данные дисциплины направлены на формирование гражданина, человека определенной национальной культуры. Безусловно, и другие дисциплины направлены на формирование определенных способностей, мировоззрения. Скажем, еще Ломоносов говорил о том, что математика нужна хотя бы потому, что она «ум в порядок приводит». Но без хорошего знания родного языка и основ национальной культуры человек не может считаться полноценным гражданином своей страны. Гуманитарные дисциплины составляли стержень гимназического образования в дореволюционной России, во многом заимствовавшей систему обучения в Германии. Если взять программу обучения, развиваемую директором одной из самых знаменитых гимназий России Л. И. Поливановым, то она давала классическое гуманитарное образование, которое дополнялось затем в университете. Человек приобщался к европейскому научному и культурному наследию. И одновременно он оставался хранителем национальных традиций, был настроен на созидательную профессиональную деятельность в России. «Такой человек должен уметь самостоятельно мыслить, рационально действовать, не теряя идеалистического настроения, веру в идеалы: словом, все, что красит жизнь и делает ее разумной» [Шарапова 2007]. Из гимназий был прямой путь в университеты, где социально-гуманитарные пробле-

¹⁴ Минобрнауки снизит акцент на русский язык при приеме в инженеры // РИА Новости. 2023. 3 февр. URL: <https://ria.ru/20230203/aktsent-1849617602.html> (дата обращения: 15.09.2023).

мы занимали важнейшее место. Так, известный русский историк А. А. Кизеветтер видел своеобразие Московского университета в объединении «требований науки с запросами общества, органическом сочетании преданности научной истине со служением социальному благу» [Кобыльсков 2020, 49].

В этих условиях гуманитарные знания занимали, без сомнения, центральное место. Упрощая ситуацию, можно сказать, что фактически уже в советское время, когда для того, чтобы обеспечить индустриальное развитие страны, создаются специализированные институты, количество гуманитарных дисциплин сокращается, замещаясь специальными. А уже когда на базе этих институтов возникло значительное число университетов, гуманитарные дисциплины превратились в одну – и далеко не самую важную – составляющую образования. При этом компетентностный подход добавил и свою ложку дегтя. В результате происходит процесс, который обозначается как смена «знаниевого» подхода «компетентностным». Соответственно, повышается роль курсов, направленных на практические умения и овладение технологиями, но при этом существенно снижается уровень общей культуры студентов. Те преподаватели, которые ориентированы на передачу чисто профессиональных навыков, уверены, что гуманитарные дисциплины, в частности, философию, социологию, культурологию, совершенно не нужны выпускникам технических вузов, более того, они мешают глубокому освоению специальных предметов. «Нам представляется, что реализация такого сценария будет иметь весьма негативные последствия не только для научно-технического прогресса, но и для социально-гуманитарного развития общества» [Тхакушинов и др. 2019, 183]. Эти же авторы справедливо пишут, что Болонский процесс пропагандирует мысль об образовании как товаре, как об услуге, и, соответственно, продавцы (Минобрнауки и учебных заведений) пытаются продать поменьше, но подороже, а покупатели пытаются купить больше, но подешевле. «В этой консьюмеристской модели взаимодействия утрачивается осознание культурной миссии образования, его духовная составляющая обезценивается, отношения участников образовательного процесса обезличиваются» [Тхакушинов и др. 2019, 183].

Таким образом, выражение «гуманитарная составляющая» оказывается прямым следствием дегуманизации образования. Во многом это происходит под давлением бизнеса и в других странах. Весьма характерную картину в этом отношении рисуют во введении к своему исследованию М. Берубе и Дж. Рут [Bérubé,

Ruth 2015]. В книге, посвященной ценности гуманитарного знания, Х. Смол пишет, что тема окружена туманом разных пониманий, существенно затрудняющим постановку проблемы, поскольку в условиях принятия практических решений хорошо бы понимать, что существует множество различных способов, с помощью которых гуманитарные науки могут быть признаны общественно значимыми. Желательно «осознавать различные смыслы термина “ценность”, различные контексты, в которых они используются, и совершенно разные виды вклада в общественное благо» [Small 2013, 2]. В книге анализируются пять аргументов в пользу изучения гуманитарных дисциплин: они обучают поискам смысла в различных культурных практиках, учат человека интерпретировать и оценивать их; гуманитарные науки полезны в их противостоянии давлению на общество со стороны экономических интересов; они вносят вклад в наше коллективное благополучие, давая жизни дополнительный материал для наслаждения; они необходимы для развития демократии; они обладают огромной внутренней ценностью сами по себе [Small 2013, 4–6]. Можно добавить к этому, что в современном быстро меняющемся обществе всестороннее развитие личности не менее, если не более, важно, чем профессиональная подготовка, уже хотя бы потому, что необходимо уметь учиться, осознавать свое место в обществе и т. д. Почему в сложной ситуации оказалось необходимым трансформировать курс истории и вводить курс «Основы российской государственности»? И если декларируется, что необходимо вернуться к фундаментальности образования, то обойтись без гуманитарных дисциплин в качестве системообразующих невозможно. Стоит заметить, что вопрос о ценностях, а именно их несут в первую очередь гуманитарные науки, возникает каждый раз, когда страна оказывается в сложной ситуации. Так, вопрос о британских ценностях был поднят в 2005 году из-за событий в Ольстере и позже усилился благодаря влиянию исламистов. Это показывают в своей книге Л. Ревелл и Х. Брайан [Revell, Brian 2018, 8–12].

В мировом контексте «гуманитарная составляющая» оказывается прямым следствием дегуманизации образования. Но к этому у нас добавилась идеология утилитаризма и потребительства, что сделало гуманитарные дисциплины добавкой к «нужным» дисциплинам. Это привело к тому, что ключевая задача образования – формирование граждански ответственной личности – ушла на задний план.

Фундаментальность. Есть еще один аспект, связанный с понятием фундаментальности: как же все-таки он понимается? Так, когда образование трансформировалось в соответствии с принципами

Болонского процесса, говорилось о том, что мы должны сохранить лучшее, что накоплено отечественной системой образования. Именно фундаментальность и является главной ее особенностью. В западном дискурсе проблема фундаментальности образования обсуждается совершенно иначе, в первую очередь речь идет об ориентации на фундаментальные естественнонаучные дисциплины. У нас же преимущественно говорится о фундаментальности в плане широты и глубины образования. Именно фундаментальность была подорвана прошедшими преобразованиями программ, и необходимость ее возвращения хорошо осознается. Например, ректор МГУ В.А. Садовничий говорит о необходимости объединения со средней школой и выбрать правильный вектор тех реформ, которые мы собираемся проводить. «Наша позиция состоит в том, что главным вектором образования необходимо сделать поддержку фундаментального образования»¹⁵. Но слово «фундаментальность» понимается существенно по-разному, и, соответственно, по-разному понимается вектор образования. Одни авторы понимают ее как более углубленную подготовку по заданному направлению – «образование вглубь». Другие – как разностороннее гуманитарное и естественно-научное образование на основе овладения фундаментальными знаниями – «образование вширь»¹⁶. Кроме того, под этим словом понимается подготовка специалиста на базе фундаментальных наук. Или мы имеем дело с таким определением как процесс взаимодействия человека с интеллектуальной средой, когда личность «воспринимает ее для обогащения собственного внутреннего мира и благодаря этому созревает для умножения потенциала самой среды»¹⁷. Если принять во внимание эту разногласию, то утверждение, что мы возвращаемся к фундаментальности образования, может означать весьма разные вещи.

Стоит заметить, что в целом ряде документов начиная с 2000 года («Национальная доктрина образования Российской Федерации» (2000), «Концепция модернизации российского образования на

¹⁵ Валерий Фальков: в основе любых изменений должна быть простая интегральная характеристика — качество образования // Министерство науки и высшего образования РФ. 2023. 19 мая. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/68132/> (дата обращения: 16.09.2023).

¹⁶ Основные направления и тенденции развития высшего образования / ModernStudy: Современная педагогика. URL: <http://www.modernstudy.ru/pdds-4203-16.html> (дата обращения: 16.09.2023).

¹⁷ Основные направления и тенденции развития высшего образования / ModernStudy: Современная педагогика. URL: <http://www.modernstudy.ru/pdds-4203-16.html> (дата обращения: 16.09.2023).

период до 2010 года» (2001), Федеральный закон «Об образовании» (2012)) в качестве ориентиров развития отечественного образования называются «гуманизация и гуманитаризация», «деидеологизация и демократизация», «доступность» и «светский характер», «фундаментальность», «конвергенция образования, интеграция национальных систем в мировую образовательную систему» [Миронов 2014, 184]. Но если двадцать лет система образования развивалась в этом направлении, то почему опять нужно говорить о возрождении гуманитаризации и фундаментальности? Либо это понималось как-то не так, либо не реализовывалось. Таким образом, фундаментальность в контексте дискурса о национальной системе образования, в отличие от западных систем, понимается как широкое общее образование, включающее гуманитарные дисциплины в качестве стержня. И поэтому если мы хотим, чтобы национальная система образования обладала этими качествами, декларацию о возвращении фундаментальности нужно четко прояснить.

Аспирантура. Еще одно слово с плавающим значением – «аспирантура». Несмотря на то, что институт аспирантуры был трансформирован под влиянием западных моделей, лингвистическое значение самого слова приобрело чисто отечественные коннотации. В 2012 году аспирантура становится «третьей ступенью образования». Возникло глубинное противоречие: аспиранту вместо положения научного сотрудника (каковым он по идее является, поскольку результатом его работы является научное исследование – диссертация) предлагается положение обучающегося, результатом пребывания которого в учебном заведении становится набор пройденных курсов и выпускная квалификационная работа. Это противоречие хорошо заметно из выступления главы Минобрнауки РФ Дмитрия Ливанова, который объявил, что аспирантура стала третьим этапом высшего образования. При этом он оговорился, что аспирантура необходима для формирования ученого¹⁸. Результат известен: 1) резко упал статус аспиранта. 2) Аспиранту резко сократили объем времени для занятий собственно наукой. Так, согласно пункту 21 ФЗ от 19 ноября 2013 года № 1259 был установлен объем программы за один учебный год, который для очной формы обучения составил 60 зачетных единиц (не включая факультативных дисциплин). Если исходить из того, что одна зачетная единица – это 36 академических часов, то общий объем программы – 2 160 академических часов, или почти 70 часов в неделю. При этом сроки

¹⁸ Ливанов: диссертация останется обязательной для аспирантов // РИА Новости. 2013. 20 дек. URL: <https://ria.ru/20131220/985464758.html> (дата обращения: 15.09.2023).

обучения в аспирантуре не изменились [См.: Донских 2023, 38–39]. Желание поступать в аспирантуру резко снизилось (в 2018 году общее количество аспирантов было на 42,3% меньше, чем в 2010) [Кашина 2020, 60]. И, конечно, от этого пострадал престиж науки: если получить рекомендацию в аспирантуру в советское время было высшей оценкой студента-выпускника, то в перестроечное время, в частности после превращения аспирантуры в «третью ступень», стремление в науку активно гаснет. Согласно социологическим опросам желание стать ученым было весьма невысоким. В частности, в 2016 году лишь 32% населения положительно отнеслись бы к тому, чтобы их ребенок сделал карьеру научного сотрудника. А, например, в США и Израиле «абсолютное большинство жителей поддержали бы своего ребенка в выборе научной карьеры» [Власова и др. 2018, 25]. Как и с «услугой», преобразование аспирантуры резко критиковалось многими учеными, но их мнение было так же точно проигнорировано. Через десять лет, когда даже административным кругам стало ясно, что с институтом аспирантуры неладно, ей возвращают прежний статус¹⁹. Численность поступающих в аспирантуру заметно возрастает. И вот нынешняя реформа опять выделяет аспирантуру «в отдельный уровень профессионального образования»²⁰.

В отношении института аспирантуры мы опять стоим перед вопросом: аспирантура – это в первую очередь наука или образование? Если первое, то, при любых оговорках, нужно бы говорить о «первой ступени научной деятельности», а при возвращении к «уровню образования» вполне может вернуться и соответствующее отношение.

Заключение

Итак, проведенный анализ показывает, что, обсуждая проблемы образования в контексте проводимой в настоящее время реформы, необходимо очень внимательно относиться к словам, которые при этом используются, начиная с самого слова «реформа». Опыт ис-

¹⁹ Аспирантура переходит в научный формат // Министерство науки в высшего образования РФ. 2022. 21 марта. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/48657/> (дата обращения: 03.03.2023).

²⁰ Президент России подписал указ о запуске пилотного проекта по изменению уровней профессионального образования // Министерство науки в высшего образования РФ. 2023. 12 мая. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/67889/> (дата обращения: 15.09.2023).

пользования неправильных и неточных слов в истории трансформации нашей системы образования ведет к неясным формулировкам целей намечаемых изменений и, соответственно, к невозможности их качественно реализовать. Представляется, что уточнение понятий в рамках данного дискурса является одним из важнейших необходимых условий успешности предлагаемых мер.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бобрышов, Саенко 2016 – *Бобрышов С. В., Саенко Л. А.* Компетентностный и знаниевый подходы в профессиональном образовании: проблемные вопросы понимания и реалии применения // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета.* 2016. № 5 (109). С. 16–22.
- Браверман 1997 – *Браверман А. А.* Маркетинг в российской экономике переходного периода: методология и практика. М.: Экономика; КоМаркт Лтд., 1997.
- Власова и др. 2018 – *Власова В. В., Гохберг Л. М., Дьяченко Е. Л.* и др. Российская наука в цифрах. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2018.
- Донских 2013 – *Донских О. А.* Дело о компетентностном подходе // *Высшее образование в России.* 2013. № 5. С. 36–45.
- Донских 2023 – *Донских О. А.* Нашему образованию нужен косметический ремонт или полная реконструкция? // *ЭКО.* 2023. № 5. С. 33–53. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-5-33-53
- Жукоцкая, Чёрненькая 2017 – *Жукоцкая А. В., Чёрненькая С. В.* Компетентностный и знаниевый подходы в образовании: борьба или единство // *Вестник МГПУ. Сер. Философские науки.* 2017. № 3 (23). С. 64–71.
- Кашина 2020 – *Кашина М. А.* Негативные последствия реформирования российской аспирантуры: анализ и пути минимизации // *Высшее образование в России.* 2020. Т. 29, № 8/9. С. 55–70. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-55-70
- Кобильсков 2020 – *Кобильсков В. А.* Образовательные традиции в дореволюционной России в начале XX в. // *Вестник СПбГИК.* 2020. № 3 (44). С. 46–50.
- Миронов 2014 – *Миронов А. В.* Социальный феномен – образование // *Социально-гуманитарные знания.* 2014. № 1. С. 163–193.
- Романова 2005 – *Романова И. Б.* Управление конкурентоспособностью высшего учебного заведения. Ульяновск: Средневолжский научный центр, 2005.

- Сагинова 2003 – *Сагинова О. В.* Маркетинг образовательных услуг // Маркетинг в России и за рубежом. 2003. № 5. С. 48–59.
- Стегний 2018 – *Стегний В. Н.* Содержание высшего образования в инновационно-информационном обществе // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. 2018. Т. 1. С. 13–18.
- Тхакушинов и др. 2019 – *Тхакушинов А. К., Сиюхова А. М., Бибалова С. А., Триль Ю. Н.* О роли гуманитарного цикла дисциплин в технологическом вузе в дискурсе социологии образования // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. Вып. 2 (41). С. 181–193. DOI: 10.24411/2078-1024-2019-12019
- Шарапова 2007 – *Шарапова Е. Л. Л. И. Поливанов и его гимназия.* URL: https://library.by/portalus/modules/shkola/print.php?subaction=showfull&id=1191929830&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 15.09.2023).
- Alsmadi et al. 2018 – *Alsmadi I., Burdwell R., Aleroud A., Wahbeh A., Al-Qudah M. A., Al-Omari A.* Practical Information Security. A Competency-Based Education Course. Springer International Publishing AG, 2018.
- Archer, Schuetze 2019 – Preparing Students for Life and Work. Re-envisioning Higher Education’s Public Mission. Policies and Reforms Affecting Higher Education’s Principal Mission / ed. by W. Archer, H. G. Schuetze. Brill Sense, 2019.
- Bérubé, Ruth 2015 – *Bérubé M., Ruth J.* The Humanities, Higher Education, and Academic Freedom. Three Necessary Arguments. Palgrave Macmillan, 2015.
- Finn, Finn 2020 – *Finn D. E. III, Finn M.* Scheduling for personalized competency-based education. Bloomington, IN: Marzano Resources, 2020.
- Kirsti et al 2023 – *Cole K., Giordano J. B., Hassel H.* A Faculty Guidebook for Effective Shared Governance and Service in Higher Education. Routledge, 2023.
- Krishnamurti 2017 – *Krishnamurti J.* Education as Service. Forgotten Books, 2017.
- Macfarlane 2007 – *Macfarlane B.* The Academic Citizen. The Virtue of Service in University Life. Routledge, 2007.
- Papadimitriou, Boboc 2021 – Re-envisioning Higher Education’s Public Mission. Global Perspectives / ed. by A. Papadimitriou, M. Boboc. Palgrave Macmillan, 2021.
- Revell, Brian 2018 – *Revell L., Brian H.* Fundamental British values in education. Radicalisation, National Identity and Britishness. Emerald Publishing, 2018.

- Small 2013 – *Small H.* The value of the humanities. Oxford University Press, 2013.
- Weisbrod, Ballou, Asch 2008 – *Weisbrod B. A., Ballou J. P., Asch E. D.* Mission and Money. Understanding the University. Cambridge University Press, 2008.

REFERENCES

- Alsmadi, I., Burdwell, R., Aleroud, A., et al. (2018). Practical Information Security. A Competency-Based Education Course. Springer International Publishing AG.
- Archer, W., & Schuetze, H. G. (Eds.). (2019). *Preparing Students for Life and Work. Re-envisioning Higher Education's Public Mission. Policies and Reforms Affecting Higher Education's Principal Mission.* Brill Sense.
- Bérubé, M., & Ruth, J. (2015). *The Humanities, Higher Education, and Academic Freedom. Three Necessary Arguments.* Palgrave Macmillan.
- Bobryshov, S. V., & Saenko, L. A. (2016). Competence and Knowledge Approaches in Vocational Education: Problematic Issues of Understanding and Realities of Application. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 5(109), 16–22. (In Russian).
- Braverman, A. A. (1997). Marketing v rossiyskoy ekonomike perekhodnogo perioda: metodologiya i praktika [Marketing in the Russian economy in transition: methodology and practice]. *Ekonomika*, TOO “KoMarkt Ltd.”.
- Cole, K., Giordano, J. B., & Hassel, H. (2023)ю *A Faculty Guidebook for Effective Shared Governance and Service in Higher Education.* Routledge.
- Donskikh, O. A. (2013). A cometenace-based approach case. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 5, 36–45. (In Russian).
- Donskikh, O. A. (2023). Does our education need a facelift or a complete overhaul? *EKO*, 5, 33–53. (In Russian). <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-5-33-53>
- Finn, D. E. III, & Finn, M. (2020). *Scheduling for personalized competency-based education.* Marzano Resources.
- Kashina, M. A. (2020). Negative consequences of reforming Russian postgraduate education: analysis and ways of minimization. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 29(8/9), 55–70. (In Russian). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-55-70>
- Kobyly'skov, V. A. (2020). Features and educational tradition in pre-revolutionary russia of the 20th century. *Vestnik SPbGIK*, 3(44), 46–50. (In Russian). <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2020-3-46-50>

- Krishnamurti, J. (2017). *Education as Service*. Forgotten Books.
- Macfarlane, B. (2007). *The Academic Citizen. The Virtue of Service in University Life*. Routledge.
- Mironov, A. V. (2014). Sotsial'nyy fenomen – obrazovanie [Social phenomenon: education]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 1, 163–193.
- Papadimitriou, A., & Boboc, M. (Eds.). (2021). *Re-envisioning Higher Education's Public Mission. Global Perspectives*. Palgrave Macmillan.
- Revell, L., & Brian, H. (2018). *Fundamental British values in education. Radicalisation, National Identity and Britishness*. Emerald Publishing.
- Romanova I. B. (2005). *Upravlenie konkurentosposobnost'yu vysshego uchebnogo zavedeniya* [Managing the competitiveness of a higher education institution]. Srednevolzhskiy nauchnyy tsentr.
- Saginova, O. V. (2003). Marketing of educational services. *Marketing v Rossii i za rubezhom*, 5, 48–59. (In Russian).
- Sharapova, E. L. (2007, October 9). *L. I. Polivanov i ego gimnaziya* [L. I. Polivanov and his gymnasium]. https://library.by/portalus/modules/shkola/print.php?subaction=showfull&id=1191929830&archive=&start_from=&ucat=&
- Small, H. (2013). *The value of the humanities*. Oxford University Press.
- Stegniy, V. N. (2018). Content of higher education in the innovation-information society. *Formirovaniye gumanitarnoy sredy v vuze, tekhnikume, shkole: innovatsionnyye obrazovatel'nyye tekhnologii. Kompetentnostnyy podkhod* [Formation of the humanitarian environment in universities, technical schools, schools: innovative educational technologies. A competence-based approach]. Conference Proceedings. Perm Polytechnic University. pp. 13–18. (In Russian).
- Tkhakushinov, A. K., Siyukhova, A. M., Bibalova, S. A., & Tril', Yu. N. (2019). On the role of the humanitarian cycle of disciplines in a technological university in the discourse of education sociology. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2(41), 181–193. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2078-1024-2019-12019>
- Vlasova, V. V., Gohberg, L. M., D'yachenko, E. L., et al. (2018). *Rossiyskaya nauka v tsifrakh* [Russian Science in Figures]. HSE.
- Weisbrod, B. A., Ballou, J. P., & Asch, E. D. (2008). *Mission and Money. Understanding the University*. Cambridge University Press.
- Zhukotskaya, A. V., & Chyornen'kaya, S. V. (2017). Competence and knowledge approaches in education: struggle or unity. *Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki*, 3(23), 15–23. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 15.10.2023

Материал поступил в редакцию после рецензирования 28.02.2024